

5 МАР 1972

КРУГЛАЯ, увесистая, она мирно покоилась посреди не комнаты, по которой гулял ветер. Хозяин квартиры взял в руки шайбу, покачал головой, подумав: «И надо уж так ухитриться, все-таки второй этаж». Кое-как заткнул дыру в выбитом окне и побежал к автобусной остановке. Вернувшись через час, он ловко орудовал алмазом, вспоминая разговор с театральным столяр.

— Ревдар, я поеду с тобой, быстренько вставлю стекло.

— Спасибо, сделаю сам, — ответил Садыков и на невысказанный вопрос столяра пояснил:

— В детдоме вырос, все умею делать сам.

Сколько раз столяр с восхищением смотрел на него из-за кулис. Знал, что Садыков сам гримируется, — говорят, художник, рисует, лепит. Но чтобы еще и стекльщиком заделался...

...Детский дом вывезли из жаркого Ташкента в лагерь. Футбольная баталия была в разгаре, когда у поля остановилась машина, и ребят позвали в пионерскую комнату.

— На артистов будут отбирать, — передало «кизунское радио». Ревдар подумал, было, что приехали из киностудии. Побегал из любопытства, авось, возьмут, все-таки забавно посмотреть, как там получается, что в зале дух захватывает, когда крутят фильм.

Пока машина мчалась к Ташкенту, Ревдар все пытался вспомнить, а что такое хореография. Смешно как-то получается — вроде он и в плясунах никогда не числился, куда ему — плотный, даже толстяком иной раз назовут. А тут, говорят, танцовщиком будешь, в театре выступать сможешь, в балете.

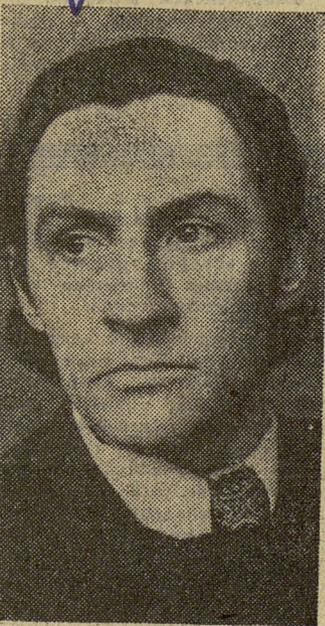
Хореографическое училище соседствовало с консерваторией — для уха 14-летнего Ревдара названия пока непривычные. Пройдет более двадцати лет, а он так и не поймет, чем руководствовались жюри, когда из многих десятков ребят отобрали именно его. Поставили к перилам у стены — станком называется, стали выворачивать ноги:

— Первая позиция: ноги под прямым углом к туловищу. Вторая позиция: пятки вместе, носки в сторону на расстоянии одной ступни. Шпагат сделать он не смог. Проверили слух, ритмичность.

Через полгода вызывает учеников первого класса директор.

— Теперь вы представляете, в какое училище попали. Учтите, что так будет всю жизнь — труд балетного актера — каторжный. Кому очень, очень трудно, может отказаться.

Ревдару было очень, очень трудно. С утра занятия — час 45 минут — классический танец. Потом — историко-быто-

вой танец. Еще через перерыв — дуэтно-классический танец. Днем повели учащихся в театр. Ошеломленные великолепием здания, ходили они по фойе, огромным холлам — оперный театр в Ташкенте и впрямь очаровывает. И все же настоящее чудо произошло в зрительном зале. Ребятам сказали, что их педагог Евгений Петрович Новиков танцует в «Медном всаднике» главную роль. Но где же он? На сцену выпорхнул юноша с кудрявыми волосами, огромными прыжками пересек сцену. Вот, слегка оттолкнувшись, полпыл по сцене. Тогда еще Ревдар не знал, что на языке хореографии это называется «баллоном». Он много еще тогда не знал, но понял одно, что будущая их профессия прекрасна.

Утром в классе творилось что-то невероятное. Евгений Петрович не узнал своих послушных, молчаливых учеников. Окружили, засыпали вопросами: «А как вы это делаете? А как так легко плывете над сценой?» Новиков, взволнованный детской экспансивностью, отвечал охотно. А на другое утро он сухим тоном снова произносил:

— И раз, и два, и три. Сады-

о тебе, год проработавшему в театре, напишут, что «Садыков оказался наиболее смелым истолкователем партии Батыра, хотя у него были предшественники — мужественность Аскольда Макарова в ленинградском спектакле «Шурале» и юная пылкость Владимира Васильева в московской постановке.

Легко и изящно танцует Садыков Зигфрида в «Лебедином

СОЛИСТ БАЛЕТА

ОЧЕРК

ков, тяни, тяни свои «сардельки».

Ревдар чуть не плакал, но старательно тянул в линейку свои тогда еще совсем не «балетные» ноги. Пройдет много лет, Садыков сам станет мастером танца, уедет в Каир в Академию арабского танца Е. П. Новиков, но благодарный ученик никогда не забудет учителя, научившего Ревдара главному в его профессии: выносливости и настойчивости.

В 1956 году в труппе Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля появился новый солист — девятнадцатилетний Садыков. Ему сразу поручили партию Батыра в балете Фариды Яруллина «Шурале». Республика готовилась к декаде литературы и искусства в Москве, в театре стояли напряженные дни. Балетмейстер Людмила Аркадьевна Бордзюловская помогла новому солисту понять непреходящую красоту поэмы «Шурале», глубже осознать образ юноши, своей храбростью, нравственной чистотой сумевшего победить козни Шурале. Батыр Садыкова — гибкий, пластичный, покорял зрителей с первого появления на сцене. Это не просто влюбленный юноша, а человек могучей воли, подлинный герой татарской сказки.

Что и говорить, кому не приятно похвала в прессе, да еще в столичной, если притом

озере», Альберта в «Жизели». Но этого ему казалось мало, и он выходит в «Дон Кихоте» сразу в двух партиях — Базили и Эспады — такое нечасто встретишь даже в биографиях выдающихся актеров. В «Спящей красавице» он танцует принца Дезире и Голубую птицу, и, по собственному признанию, ему ближе Голубая птица.

Впрочем, на вопрос, какие спектакли самые любимые, Ревдар Фаизович отвечает:

— Любимые у меня почти все. А если выбрать самые, самые, то это «Египетские ночи», «Тропой грома», «Ромео и Джульетта», «Я помню чудное мгновенье».

Поясняя свою мысль, Садыков продолжает:

— Очень люблю роли мужественные.

Таков его Амур, раб, погибающий за дерзкую, недозволенную любовь к Клеопатре. Специалисты отмечали безупречное владение техникой, полетность прыжков, динамизм вращений, незаурядные способности в дуэтном танце. Изысканный, чеканный рисунок, напоминающий скульптурную четкость, подчеркнут гримом. Садыков гримируется всегда сам, выразительности и яркости он добивается благодаря своему художественному дарованию. Его длинные, нервные пальцы ни секунды не бывают спокойными, даже разговаривая, Ревдар что-то кру-

тит. Дома же, лишь выпал свободный час, другой, сразу же за карандаш, лобзик или глину. Квартира напоминает больше студию художника: резьба по дереву, чеканка, изящные балетные фигурки. Только вот мольберт заброшен — времени на живопись не остается.

Да, время солиста балета предельно уплотнено. Каждое утро, будь-то начинающий артист кордебалета или народный артист республики, прославленный солист, встает к станку в репетиционном зале, и начинаются бесконечные упражнения. В огромной комнате — температура ближе к тридцати, а форточку открыть — упаси бог! — чем жарче, тем танцовщикам лучше. Буквально до седьмого пота, у многих даже полотенца на шее, а педагог все так же неумолим:

— И раз, и два, и три.

Вечером, если нет спектакля, снова занятия в классе. Так изо дня в день, уже шестнадцать лет.

Однажды имя Садыкова исчезло с афиш. — Он повредил ногу в спектакле «Шурале». Думали на месяц, другой, но травма ноги оказалась серьезнее.

— Неужели Батыром и закончу, — невесело размышлял Ревдар, разминая в сильных пальцах комочек глины. Неужели конец? А как же балетное искусство, без которого нет жизни? Книжки, кинокамера, фотоаппарат, резец, кисть — все это хорошо, когда есть в жизни главное — театр. Иной жизни Садыков не хотел признавать. И вот когда он снова добрым словом вспомнил своего ташкентского учителя.

— Помочь себе можешь только сам. Не умирай, пока живешь, — любил повторять Евгений Петрович Новиков.

Врачи удивились силе воли и настойчивости Садыкова, и его вера в полное исцеление сделала, казалось, невозможное — через год он вернулся на сцену.

Правда, иногда с казанских афиш снова исчезало имя Садыкова, чтобы появиться где-нибудь в Индии или Пакистане, Канаде или Австрии. Заслуженный артист РСФСР, народный артист Татарии достойно нес знамя советского искусства в зарубежных концертах. В театре с нетерпением ждали Ревдара — своим открытым, общительным характером он привлекает многих, друзья у него и среди сверстников, и среди старших коллег, и совсем

новичков. Приедет Садыков, обязательно покажет снимки, прокрутит свой фильм, оговорится, правда, дескать, сам сценарист, оператор, режиссер. Ничего, не придираются, смотрят экзотику Индии или Таиланда, радуясь за товарища, который сумел развить свой талант трудолюбием, всепоглощающей страстью к любимому делу.

И еще за одно качество уважают в коллективе коммуниста Садыкова: он никогда не станет ссылаться на занятия, если надо поехать с концертом в сельский район или встретиться с рабочими в цехе. Недавно я была свидетельницей трогательной сцены. Шел балет Назиба Жиганова «Две легенды». В зале сидели рабочие, инженеры, служащие моторостроительного завода. От души аплодировали они артистам. А перед вторым балетом на авансцену вышел Ревдар Садыков, успевший снять грим и переодеться в обычный костюм. К нему подошел такой же среднего роста мужчина и протянул подарок от рабочих литейного цеха. Ревдар крепко, по-мужски обнял рабочего, расцеловал. Да, такой награды, да еще в день своего 35-летия можно гордиться.

Тридцать пять лет. Для обычной человеческой жизни это немного. Драматическое, оперное артиста в таком возрасте еще относят к разряду молодых. У балета свои законы, такие же строгие и неумолимые, как и само это искусство. Здесь через двадцать лет после первого появления на сцене расстанутся с ней. Заговорил со мной об этом и Ревдар Фаизович. Планы у него определенные: перейти на педагогическую работу.

Но это пока планы, а вечером зрители снова и снова восхищаются его смелым, мужественным Алмаем в балете Анвара Бакирова «Водяная», добрым, чутким юношей в «Эюрге» Назиба Жиганова, элегантным Зигфридом в «Лебедином озере». В концертной программе можно увидеть Ревдара Садыкова в шуточном танце «Апипэ» — сколько задора в его живом, хитроватом старичке, с такой завидной бойкостью отплясывающем народный танец. Но в каком бы спектакле, концерте ни появлялся Ревдар Садыков, всегда это будет оригинальное прочтение роли с классической чистотой танца.

В. ГУДКОВА.